

Вадим Межуев

Марксизм и Русская революция

Тезисы выступления

Не будучи историком, я не претендую на доскональное знание фактов и событий Русской революции. Однако мое понимание ее истории, особенно ее завершающего этапа, видимо, отличается от сложившихся в нашем обществе представлений, и в том числе, и тех, которые существуют среди профессиональных историков. Многие, независимо от того, отвергают или прославляют они Октябрьскую революцию, продолжают смотреть на нее глазами Ленина, пытавшегося раскрыть ее смысл и значение в понятиях и категориях марксистской теории, возникшей при других обстоятельствах и ради совершенно иных целей. Ленин увидел в ней предсказанную Марксом пролетарскую революцию, открывшую собой эпоху перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе.

В интерпретации Сталина Октябрьская революция – прямое порождение большевизма и его вождей, т.е. Ленина и самого Сталина, практическое воплощение их планов и замыслов. Согласно этому пониманию, не революция вознесла большевиков к вершинам власти, а большевики сотворили ее, взяв власть в свои руки. Революцию объявили важнейшим событием в истории ВКП(б), как она была изложена в «Кратком курсе». Усилиями Сталина Ленин был превращен в главного организатора и руководителя Октябрьской революции, в еще одного классика марксизма, творчески развившего его применительно к заключительному этапу существования капитализма с его империалистическими войнами и пролетарскими революциями. Подобное понимание Октября до сих пор доминирует в общественном сознании.

Вместе с тем, сводить ее к победе большевиков – все равно, что сводить всю историю Французской революции к якобинцам и Робеспьеру: Русская революция началась не в Октябре и осуществлялась усилиями не одних только большевиков. За 12 лет, начиная с 1905 г., в России произошло три революции, первая из которых закончилась поражением. Можно считать их разными революциями, но можно увидеть в них последовательные фазы единого революционного процесса. Февраль дал победу умеренным силам, Октябрь – радикальным. Русская революция как бы описала полную дугу от короткой, по словам Питирима Сорокина, «демократической увертюры» до грозного финала однопартийной диктатуры. И таков закон любой революции. Раз начавшись,

она идет до конца. Не большевики, а начавшаяся в Феврале революция предрешила подобный финал. Бердяев был прав, назвав большевиков не творцами, а орудием революции.

Все революции в Европе совершались по одному сценарию. Они начинались с провозглашения свободы и равенства и заканчивались массовым террором. Тому есть простое объяснение. Революция возникает в условиях отсутствия демократии и во имя перехода к ней, но пытается решить эту задачу не демократическими средствами, из чего следует, что революция – не лучший способ перехода к демократии. Ее часто начинают искренние сторонники демократии, но побеждают в ней обычно те, кто главную ставку делает на силу и принуждение. Октябрьский переворот осуществлялся также во имя победы демократии. Его главным лозунгом был лозунг «Вся власть Советам!». И победили в Октябре в точном смысле не большевики, а Советы, возглавляемые на тот момент Троцким. Он подготовил и практически осуществил этот переворот. Советы понимались тогда как форма демократической власти, но не парламентской, или представительской, а непосредственной, состоящей не из депутатов, а делегатов от рабоче-крестьянской и солдатской массы. Октябрьская революция была осуществлена Советами во имя победы непосредственной демократии над парламентской (буржуазной). Иное дело, что мы никогда не жили при советской власти, и после революции Советы ничем особенно не руководили. Большевики воспользовались победой Советов в интересах установления своей власти, сформировав на правах большинства в них советское правительство во главе с Лениным. Признавая несомненное лидерство Ленина в создании большевистской партии, Троцкий добровольно уступил ему место главы правительства и роль главного творца революции. Ленин же основную ставку сделал не на Советы, а на власть собственной партии, названную им диктатурой пролетариата, подчинившей в итоге и сами Советы. Если для Троцкого интересы мировой революции стояли неизмеримо выше партийных интересов большевиков в деле сохранения и упрочения своей власти (такая позиция и получила название «левого коммунизма»), то для Ленина превыше всего была власть партии, которая в его глазах только и служила гарантией успешного продолжения революционного процесса. Превосходство партийной дисциплины над революционной стихией Ленин будет отстаивать до конца своей жизни, в абсолютизации последней усмотрит детскую болезнь «левизны» в коммунизме. В отличие от Троцкого Ленин был революционером более на словах, чем на деле, являя собой образец партийного идеолога и функционера. Вот почему созданная им партия «профессиональных революционеров» после Октября быстро переродилась в партию государственных чиновников и бюрократов, ведущую уже не революционную,

а внутрипартийную (фракционную) борьбу за власть. Победителем в этой борьбе станет Сталин. Подобное развитие событий Троцкий справедливо назовет «преданной революцией».

Вряд ли правильно искать в марксизме истоки самого явления большевизма в России. Большевизм – не причина, а следствие традиционной недемократичности страны. Своим возникновением он обязан не марксизму, а специфическим условиям и особенностям исторического развития России. Захват власти большевиками объясняется не их верностью учению Маркса, а тем, что ни одна из существовавших в то время партий не могла найти демократического решения *двух коренных вопросов русской истории – крестьянского и национального*, - которые в Европе были решены задолго до установления демократических порядков. В решении этих вопросов большевики сделали главную ставку на ничем не ограниченную власть своей партии и потому победили, поскольку иного решения на тот момент, видимо, не существовало.

Основная масса русских крестьян жила в условиях общинно-патриархальной деревни, что и для самодержавной власти служило тормозом на пути модернизации страны. Реформа Столыпина во многом носила принудительный характер. Но можно ли демократическими средствами сломить сопротивление сельской общины? Добровольный выход из общины, как показывает мировая практика, затянулся бы на многие века. Патриархальное крестьянство и пореформенной России составляло большинство населения, накладывая на все происходящее свой отпечаток. Маркс считал, что, революция, если она произойдет в России, может быть только крестьянской и, следовательно, далекой от всякой демократии. «Настанет русский 1793 год, - предупреждал он, - господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории»¹. В том же духе высказывался и Энгельс: «Она (русская революция – В.М.) начнется, вопреки предсказаниям Бакунина, сверху, во дворце. Но раз начавшись, она увлечет за собой крестьян, и тогда вы увидите такие сцены, перед которыми побледнеют сцены 93 года»². Уже в конце 90-х гг. в одном из писем к русскому корреспонденту Энгельс писал, что переворот в отсталой стране с многочисленным крестьянским населением может быть осуществлен «ценой страшных страданий и потрясений»³.

¹ [\\Маркс](#) К., Энгельс Ф. Собр. соч.Т.12. С.701.

² Там же. Т.20.С. 124..

³ Тамжк. Т.39. С.35.

Главными вопросами, волновавшими крестьянство, были, во-первых, естественно, вопрос о земле, и во-вторых, вопрос о немедленном прекращении войны. Без их решения нельзя было и мечтать о привлечении на свою сторону крестьянской и солдатской массы, которую волновала не судьба демократии, а именно решение вопроса о земле и мире. Ради этого они готовы были на любое ограничение демократии. Нельзя не учитывать здесь психологию общинного крестьянства, никогда не бывшего частным собственником земли и лишь мечтавшего о ее справедливом дележе. В этом и состояла тактика большевиков: за интересы пролетариата они выдали вековую мечту крестьянства о равном дележе земли и собственности. Если Февраль вдохновлялся идеей свободы, то Октябрь в лице большевиков – идеей социального равенства, понимаемого как насильственное изъятие собственности из частных рук («грабь награбленное») и ее централизованное распределение среди неимущих слоев населения. Ничего общего с Марксовым пониманием целей и задач пролетарской революции такая тактика не имела, поэтому прав был Бердяев, сказавший, что большевики делали революцию во имя Маркса, но не по Марксу. Впоследствии крестьянский вопрос будет решен чисто по-русски. Начавшись в период «военного коммунизма» с насильственного отъема у крестьян сельскохозяйственной продукции (продразверстка), он после короткой передышки в период нэпа, тоже не слишком демократической, если учитывать сохраняющуюся руководящую роль партии, с приходом к власти Сталина обернется насильственной коллективизацией, навсегда покончившей с крестьянской Россией. К марксизму подобное решение крестьянского вопроса не имело, конечно, никакого отношения.

Второй вопрос – национальный. Его решение осложнялось тем, что Россия – не только многонациональная страна (таких стран много), но тем, что каждый народ живет здесь на своей территории, сохраняя связь со своими богами, языком, традициями и культурой, так и не успевшими переплавиться в общем котле. Какая демократия может заставить жить народы вместе в одном государстве? Опыт СССР тоже оказался не слишком демократическим – функцию связующего центра взяла на себя правящая коммунистическая партия.

Марксизм не содержит в себе решения проблем, встающих перед странами с преобладающим составом крестьянского населения, т.е. находящихся на докапиталистической ступени истории. Их решение Маркс связывал с буржуазным этапом: только экономика капиталистического типа способна сломить сопротивление общины, создать национальный рынок и национальное государство. И потому только на этом этапе создаются

материальные предпосылки для революционного или мирного перехода к социализму. Страны, отставшие в своем экономическом развитии, могут перейти к социализму, лишь после того, как он победит на Западе, встав вслед за ним в качестве его сельской периферии.

Подобное решение не могло устроить российских революционеров, мечтавших о превращении России в социалистическую страну до всякого капитализма. Эта мечта зародилась уже в умах народников, а затем была подхвачена наиболее радикальной – большевистской – частью российской социал-демократии во главе с Лениным. К марксизму она имела весьма косвенное отношение, хотя Ленин пытался обосновать свою правоту ссылками на Маркса, считая себя его верным учеником. В его представлении Маркс – не просто гениальный мыслитель, но прежде всего революционер – теоретик пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Слова «революция» и «диктатура» здесь ключевые. Именно они стали для Ленина решением проблем, стоявших перед Россией. Слово же «пролетарская» в сочетании с ними означало для Ленина только то, что Россия в своем окончательном виде не может быть ни крестьянской, ни буржуазной. Крестьянская Россия – синоним ее отсталости, уходящего прошлого, а буржуазная Россия еще не появилась и бессмысленно ждать, когда она, наконец, появится.

Но откуда взяться в России пролетариату – продукту зрелого капитализма? О какой диктатуре пролетариата может идти речь в стране с преобладающим составом сельского населения? В этом пункте Ленин, считавший себя ортодоксальным марксистом, пытается выдать за марксизм то, что им вовсе не является. В отсутствие пролетариата как революционного класса его вполне может заменить революционная партия пролетариата. Если авторы «Манифеста Коммунистической партии» видели в партии политическую организацию, охватывающую собой все рабочее движение, то Ленин превратил партию в самостоятельную политическую силу, стоящую во главе этого движения. Для Маркса и Энгельса без революционного пролетариата нет партии, для Ленина без партии нет и не может быть революционного пролетариата. В связке «класс» и «партия» Ленин ставит партию на первое место, видя в ней главное условие превращения пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя».

На первых порах задачей такой партии должно стать «внесение революционного сознания» в рабочее движение, до которого оно само подняться не может. Уже такая постановка вопроса расходилась с взглядами Маркса, несравненно более высоко оценивавшего возможности европейского пролетариата. С ростом в стране революционных настроений становится ясен

более глубокий замысел Ленина – превратить партию из агитатора и пропагандиста в главный штаб революции. Пожалуй, первым среди марксистов Ленин увидел в революции особый вид профессиональной деятельности, а в людях, делающих ее – «профессиональных революционеров». Совершить ее могут те, кто заранее подготовлен к взятию власти силовым путем. От самих пролетариев здесь мало что зависит. От их имени можно создавать партии и провозглашать лозунги, к ним можно апеллировать, присягать им на верность, агитировать их, но сами по себе никакой революции они совершить не могут. Ставка не на класс, а на по-военному организованную партию, сформированную в условиях подполья и нелегалщины, достаточно ясно говорит о том, что Ленин понимал под революцией. По существу она отождествлялась им с политическим заговором и военным переворотом.

Большевики победили в борьбе за власть не по причине своей преданности марксизму, а в силу наличия у них централизованной и сплоченной вокруг своих вождей партии, исполненной решимости взять на себя руководство страной, любыми средствами восстановить порядок и дисциплину. Нельзя назвать их победу случайной. Можно сколь угодно негативно оценивать ее последствия для России, но, очевидно, у нее не было тогда иной альтернативы. Даже сегодня, когда с марксизмом вроде покончено, вера в спасительную роль централизованной власти, в так называемую властную вертикаль, сохраняет свою силу, что еще раз свидетельствует не о марксистском, а русском происхождении этой веры. Только в контексте разразившейся в России, но так и не завершившейся буржуазной революции можно понять явление большевизма.

С этой точки зрения, Октябрь был лишь эпизодом, пусть значительным, в той буржуазной революции, которая разыгралась в России. Большевики лишь направили ее в традиционное для России русло государственного патернализма. Можно обвинять их в жестокости и негуманности, хотя вряд ли правомерно судить о революции с моральной точки зрения. С таким же успехом можно осуждать рабство, войны, эксплуатацию – этим не решишь проблему их существования в истории. Революция по природе своей – действие не правовое и моральное, а силовое. Насилие, террор, гражданская война – все, что ставится ей в вину, и есть ее метод, вполне легитимный с революционной точки зрения. Если революция началась, бесполезно предъявлять ей моральный счет. Она ответственна за свои жертвы не более, чем землетрясение отвечает за нанесенный им ущерб. Осуждая Октябрь, необходимо осудить тогда и все революционное движение в России, в котором участвовали все поколения русской интеллигенции. А заодно надо осудить и всю русскую историю,

ставшую для этого движения питательной почвой. Если почва рождает революцию, последняя рано или поздно напоит ее кровью.

Важно, однако, то, что крайности и жестокости Октября, объяснимые неготовностью России к буржуазно-демократическим преобразованиям (она и сейчас во многом не готова к ним), менее всего можно поставить в вину марксизму. Судьба марксизма в России, превратившая его в ненавидимую многими официальную идеологию, объясняется не просчетами и изъянами в теории Маркса, которые в ней, конечно, были, а тем, как эта теория была использована большевиками. Пытаясь обосновать с помощью марксизма пролетарский и социалистический характер Октябрьской революции, для чего не было достаточных оснований ни в теории, ни в русской действительности, они исказили содержащееся в марксизме видение будущего.